

КОРПОРАТИЗМ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

О корпоративном характере эпохи. Одним из явных признаков XX в. являются активный рост и развитие корпораций. Наиболее развитые в этом отношении страны (Япония, Германия, США) вполне можно было бы назвать и наиболее развитыми государствами современности. Как правило, корпорации становятся общим явлением там, где отмечается наиболее бурное развитие современных технологий. Это *аксиома* современного развития.

Корпоратизм — явление достаточно сложное, многоплановое и во многом еще не вполне очевидное для современных исследователей и тем не менее актуальное. Не только за рубежом, но и в России. Речь не идет о каком-либо — еще одном — заимствовании каких-то западных проектов (заимствовать, в общем-то, пока нечего: в 1980-е годы прошла только первая дискуссия, не принесящая заметного удовлетворения исследователям, где их позиции далеко не определились). Для нас актуальность этого явления обусловлена самим характером развития России в последнее десятилетие и той ролью, которую корпорации стали активно играть в современных политических процессах.

Для России современная эпоха — это первый исторический опыт перехода от жесткой, однозначной стратификации интересов к более гибкой модели, основанной на личной *свободе выбора* каждого, — модели, которая в настоящее время в наиболее развитых странах мира вполне отчетливо носит *корпоративный характер*. И те негативные результаты этого первого опыта, которые мы сейчас имеем в России, как верно замечает один из ведущих российских исследователей по этой теме С.П.Перегудов, связаны скорее не с ущербностью корпоративных технологий (права каждого на свободу выбора, свободу объединения усилий и капиталов и их перемещение), а со слабостью политической власти и государственных технологий в этих вопросах¹.

Последнее десятилетие в России можно рассматривать как вполне завершённый этап, связанный со своего рода революцией в потреблении. Стихийное тяготение к потребительству при слаборазвитом рынке потребительских товаров и услуг вполне естественно для начала

эпохи реформ в России. Однако очевидный для всех провал десятилетия “радужных ожиданий” заключается в том, что за этот сравнительно большой срок реформаторы так и не смогли создать *политический* механизм активного втягивания современных технологий в сферу российского производства, обеспечивающий раскручивание корпоративных интересов в *производстве* и создающий собственный высокоразвитый рынок товаров и услуг. Они предпочли оставить российский рынок на уровне челночных закупок товаров за рубежом и игр в финансовые пирамиды как основном средстве паразитирования на госбюжете в условиях слабости производства (своего рода высшая форма потребительства, характерная только для России). Такие результаты есть следствие не хорошо продуманной политики, а просто полного бессилия тех, кто был у власти, в вопросах современных технологий, в том числе и политических. Абсолютно свободного рынка, девствующего по классическому либеральному принципу *laissez faire*, нет ни в одном высокоразвитом государстве.

Роль власти в каждом государстве, особенно если общество стремится к открытому гражданскому состоянию, при котором далеко не последнюю роль играют *свободно ориентированные и организованные группы интересов* (корпоративные интересы), в том и состоит, чтобы использовать *все* политические механизмы в целях создания оптимальных условий для развития наиболее приоритетных направлений собственного производства в условиях глубоко дифференцированного мирового рынка товаров и услуг. Немалую роль в этих политических механизмах в развитых странах играют и такие модели отношений, как “корпоративный интерес и государство”, “корпоративный интерес и власть”, “корпоративный интерес и политические партии”, “корпоративный интерес и социальные движения” и т.д. Исследование этих вопросов также является на сегодняшний день одной из важнейших задач политической науки в России.

Уже существует некоторый зарубежный опыт анализа современных корпоративных процессов и технологий, и стоит сначала обратиться к нему. За рубежом в условиях различных политических и правовых традиций² корпоратизм складывался как наиболее оптимальный путь развития гражданского общества. Поэтому, несомненно, в России это должно быть уже в какой-то степени осознано и взвешено

для того, чтобы не петлять в исторически пройденном и не совершать ошибок, а иметь возможность в полной мере оценить наши перспективы с учетом общих тенденций и механизмов современного развития государств.

Ход дискуссии. В поле научных интересов корпорации попали примерно три десятилетия назад прежде всего в связи с появлением такого мощного фактора в мировой экономике и политике, как транснациональные корпорации. За это время было накоплено большое количество наблюдений и описаний различных аспектов их деятельности – главным образом, в области экономических вопросов³. Широкий поток исследований по экономическим и правовым аспектам деятельности корпораций, естественно, способствовал более широкому постановкам вопроса, в том числе и о сущности корпоратизма вообще.

Сразу же стало ясно, что вопрос о природе корпораций и корпоративного общества — своеобразная ловушка, поскольку он закольцован по самой своей сути: природу современного корпоративного общества можно определить, лишь уяснив сущность корпорации как явления, однако суть корпорации уловить трудно, поскольку история этого явления запутана, а формы его многообразны. Сложившаяся в развитых странах практика порой далека от того, чтобы относить к корпорации *любое* “объединение, союз, общество или совокупность лиц”, соединивших свои усилия для достижения какой-либо цели⁴. Например, в США в практику вошло расширенное толкование этого термина. Там под корпорацией понимают любое “юридическое лицо, организацию как целое, участника гражданского оборота”⁵. Здесь устоялись четыре типа корпораций: *публичные* (public), *квазипубличные* (quasi-public), *коммерческие* (business) и *некоммерческие* (non-profit). В США корпоративное право постепенно становится чуть ли не синонимом гражданского права, поскольку так или иначе регулирует достаточно широкий спектр отношений. В Японии же взгляд на корпорации более четко очерчен: там вообще не принято относить к корпорациям ни политические партии, ни какие-либо союзы и ассоциации, как то: профсоюзы, школы, конфессиональные объединения, общества защиты животных, любителей пива и т.д. Для Японии корпорация — это прежде всего организованный интерес в сфере бизнеса, приносящего реальный и вполне ощутимый доход.

Именно в силу трудностей с определением общих черт исследователи пошли путем простых обобщений, но на уровне не меньшем, чем национально-государственные модели. Первые серьезные опыты относятся к концу 1970-х годов. И уже спустя десять лет эта тема вошла во все основные сферы социоведения: философию, политологию, социологию, экономику и право. Трудно сказать, кто из теоретиков первым поднял вопрос о корпоратизме как серьезном феномене последних десятилетий XX в., однако вполне можно утверждать, что определенный вклад в его изучение был сделан еще Гэлбрейтом, считающимся представителем американского институционализма, столь не характерного для самой Америки явления. Как известно, он оперировал понятием “новое индустриальное общество”⁶, всецело находясь еще в парадигме индустриального подхода, хотя все то, о чем он писал, явно выходило за рамки традиционного взгляда. Он, пожалуй, первым неожиданно заявил, что основной тенденцией развития США в последней трети нашего столетия будет становление ярко выраженного корпоративного государства.

Далее дискуссия протекала следующим образом. В середине 1970-х гг. заявили о себе представители нетрадиционной (неакадемической) японской политэкономической школы. Интересно, что Японию в этом отношении можно отнести к одной из наиболее припозднившихся стран. Бурный рост корпораций здесь начинается лишь в послевоенный период. Однако в наши дни мало кто сомневается, что Япония является одним из наиболее продвинутых в корпоративном развитии государств. Более того, если к какому-нибудь государству и приложим сегодня эпитет общества образцового — если не сказать сильнее: *классического* — корпоратизма, так это к Японии. Написано множество книг, где Японию называют государством, в котором “*корпорация прежде всего*”.

Япония на самом деле относится к числу тех государств, где корпоративный процесс, начиная с 1960-х гг., был наиболее ярко выражен, поэтому вполне естественно, что и одна из первых попыток определить природу корпоративного общества возникла также в Японии. Именно тогда, в середине 1970-х гг., один из ведущих специалистов по деятельности японских корпораций Хироси Окумура охарактеризовал современное японское общество как *корпоративный капитализм*⁷. В

конце 1970-х гг. вокруг этого определения возникла острая дискуссия, в ходе которой по целому ряду позиций было обнаружено принципиальное отличие современного общества от общества классического капитализма. Сначала — по вопросам собственности (Окумура), затем — по роли менеджмента и политических кругов в деятельности корпораций (Нисияма, Окумура, Цуда). Один из выводов этой дискуссии заключался в том, что корпоративное общество вообще означает какую-то новую стадию в социальном развитии, которую с трудом можно отнести к собственно капитализму (Нисияма)⁸.

Чуть позже, в начале 1980-х гг., в Европе (главным образом, в Германии) была предпринята попытка синтеза различных социальных наук о современном обществе под именем *неокорпоратизма*, в связи с чем и сложился многопрофильный авторский коллектив (политологи, правоведы, экономисты). Из работ западногерманских исследователей особенно интересными показались труды Ульриха фон Алеманна, Клауса фон Бейме, Рольфа Хайнце, Эрхарда Фордрана и постоянного участника всех европейских дискуссий по этому вопросу Филиппа Шмиттера (США).

Алеманн тогда с воодушевлением писал, что “с конца 70-х годов предпринимается попытка создать новую концепцию, которая смогла бы лучше улавливать процесс развития общества, нежели внедрившиеся понятия плюрализма или постиндустриального общества, неуправляемости или позднего капитализма”⁹. По его мнению, это стало очевидным еще с конца 60-х годов, когда только еще наметился поворот эпохи. В этих условиях эвристическая отдача от наиболее популярных общих моделей и теорий современности (индустриального и постиндустриального общества, политического плюрализма, управляемости и неуправляемости) на уровне моделирования государственной политики оказалась на самом деле незначительной.

С развитием дискуссий вокруг теории корпоратизма все настойчивее звучит мотив ухода от определений современного общества как сугубо капиталистического, поскольку рамки и ставшие классическими определения капитализма достаточно узко и неполно характеризуют современные процессы в развитых странах. К тому же сама классическая теория за время своего существования обросла не только столетним историческим опытом, но и таким множеством оговорок и по-

правок к ней, что налицо уже потребность в новом, более адекватном, понимании современности. В связи с этим более определенным содержанием, по мнению авторов, обладает *корпоратизм*, правда, артикулированный ими еще в достаточной степени интуитивно и далеко не столь четко, как классическая модель капитализма.

Так или иначе к исходу 1980-х годов многие исследователи на Западе уже испытали на себе влияние этой проблематики и, как правило, при интуитивном ощущении ее значимости все же не обрели в ней достаточно прочных оснований, дающих серьезную уверенность в возможности хоть немного продвинуться дальше. Поэтому некоторые из них вернулись в сферу традиционных научных подходов. В результате вокруг темы корпоратизма возникла некоторая аура загадочности и неопределенности с небольшим оттенком иронии: мол, от нее ожидаешь больше, чем она может дать.

Оценку характерного для конца 1980-х гг. отношения к этой тематике дал видный шведский экономист Бенгт Карлэф в предисловии к своей широко известной книге, ставшей, как писали, бестселлером 1989 г.: “Прошедшее десятилетие богато яркими примерами дискуссий вокруг новых, недостаточно еще определенных понятий. Шутники называли это явление десятилетия *корпоративным маразмом*, однако такой эпитет, — вполне обоснованно замечает далее Карлэф, — применим скорее к тому, как используется новая терминология, чем собственно к понятиям как таковым. Сказывается и то, что зачастую *дилетанты* (курсив Карлэфа. — *А.М.*) просто не в состоянии понять точного значения того или иного термина”¹⁰. Примечательно, что такую оценку первому опыту корпоративного анализа дает исследователь, весьма далекий как экономист от чисто умозрительных построений. К сожалению, несмотря на очевидную актуальность проблемы и хоть какой-то накопленный за десятилетие дискуссий исследовательский материал, тема корпоратизма до сих пор глубоко не проработана и двойственное отношение к ней на Западе сохраняется вплоть до сегодняшних дней.

Одно остается для участников дискуссии бесспорным: корпоратизм как явление несравнимо шире, чем корпоративные технологии на микропроизводственном уровне (одной фирмы, предприятия). Каусон, например, пишет, что необходимо рассматривать проблематику кор-

поратизма на трех основных уровнях: на *микротехнологическом* уровне — как корпоративную стратегию отдельной фирмы и корпорации; на *мезоуровне* — как политическую и экономическую стратегию межотраслевых объединений и на *макроуровне* — как собственно политическую (“властную”) стратегию на уровне формулирования государственных интересов¹¹. Исследования этого уровня в американской политологии в последнее время набирают все большую силу. Именно здесь возник своеобразный политологический бум, особенно в связи с продвижением в конце 1990-х годов концепции однополярного мира, в которой далеко не последняя роль отведена ведущим американским корпорациям, занятым в сфере военно-промышленных технологий и энергетике.

В исследованиях о корпоратизме привлекает и то, что поиск ученых не был национально и регионально ограниченным. В постановке вопросов не чувствовалось ни европоцентризма, ни свойственного порой для германской мысли замыкания на собственную традицию¹². Охват политических явлений был достаточно широким и эмпирически репрезентативным. При этом не наблюдалось столь характерного для современной науки увлечения эмпирией, исключаящего мало-мальски значимые обобщения, которые поднимались бы выше простой констатации и классификации явлений. Другими словами, уровень обобщений был столь высок, что позволял судить о происходящих политических процессах в той или иной стране в целом.

Следует отметить, что исследователи, как правило, стремятся сразу же провести разграничения с другими политологическими подходами. Иногда в популярной политической литературе отождествляли неокорпоратизм и неоконсерватизм, хотя это и не вполне правомерно. Известно, что один из видных американских теоретиков в области политической футурологии Герман Кан как-то заявил, что с конца 1970-х годов наступает эпоха контрреформации, которую он определил как движение к консерватизму. По времени это действительно совпало с началом активных дискуссий вокруг проблем корпоратизма, однако ряд аналогий вряд ли можно продолжить. Консерватизм — явление, характерное главным образом, как выразились бы немцы, для англосаксонского мира, и вряд ли оно хоть как-то описывает суть происходящего в континентальной Европе и на Востоке. К тому же в отличие

от неоконсерватизма, склоняющегося к удержанию или возврату к уже достигнутым ранее позициям, неокорпоратизм, наоборот, ориентирован на активное продвижение вперед. Разница достаточно существенная. Тем более что природа и происхождение этих идейных течений тоже различны.

От плюрализма же, несмотря на то, что неокорпоратизм вырос из его недр¹³, последний отличает больший реализм в оценке современности, новой политической ситуации и более острое ощущение надвигающегося перелома эпох. Квейвик, пытаясь определить точку расхождения, писал, что если для плюрализма характерна конкуренция “групп по интересам” при попытке доступа к лицам и учреждениям, принимающим политические решения, то для корпоратизма такой доступ как бы уже технологически предreshен, а группы по интересам рассматриваются как прямые участники механизма власти¹⁴. Кроме того, перед неокорпоратизмом как теорией ученые ставили и более высокую задачу — сделать его своеобразным методологическим инструментарием, помогающим точно сформулировать стратегию государственного интереса и механизмы его политического воплощения.

С начала 1990-х годов в связи с событиями в России и странах Восточной Европы в зарубежной социальной науке произошли существенные сдвиги в тематике. Спор о корпоратизме уже не столь сильно волновал умы. Его место заняла другая тема — ломки тоталитарных структур в Восточной Европе и возможные ее последствия. И тем не менее проблема корпоратизма все же была введена в активный научный оборот. В Германии она получила широкое признание в качестве неперменной составной части политологии. После того как в одном из фундаментальных изложений основ политической науки¹⁵ в глоссарий были введены понятия *корпоратизма* и *неокорпоратизма*, где-то начиная с 1990 г. практически все издания словарей и справочников по политической науке включают эту тематику в контекст многих актуальнейших вопросов современной политологии.

Истоки корпоратизма. Западногерманские исследователи сразу же подчеркнули аутентичность германской традиции по этому вопросу. Они не только определили основные параметры дискуссии, но и дали свою интерпретацию истории вопроса. В качестве примера можно рассмотреть вариант исторической типологии идей корпоратизма,

предложенный Ульрихом Ноккеном¹⁶. По мнению одного из ведущих западногерманских теоретиков неокорпоратизма первой половины 1980-х годов Ульриха фон Алеманна, Ноккену в значительной степени удалось раскрыть “континуальность корпоративно-экономических структур и идеологий”, имевших место в Германии с начала XIX вплоть до середины XX столетия.

Прежде всего Ноккен подчеркнул исключительную важность вопроса об исторических корнях корпоратизма, в том числе и некоторых вариантов корпоративных технологий, предложенных германскими теоретиками (еще во второй половине XIX в.) для разрешения политических споров в поисках наиболее приемлемых компромиссов. При этом он отметил, что необходимо различать корпорации как *экономическое* явление и собственно корпоратизм как явление *политическое*, затрагивающее все сферы жизни общества и аккумулятивно выраженное в сфере политики.

Именно политический аспект корпоратизма имел в виду Ноккен, когда писал, что идеи корпоратизма, вне всяких сомнений, имеют корни в германской почве: “Ни в одной стране нет столь глубоких, континуальных и влиятельных корпоративных традиций, как в Германии”. Причину более чем тридцатилетнего забвения традиций корпоратизма в Германии во второй половине XX в. он видит в том, что эти идеи были сильно дискредитированы “нацистскими и фашистскими экспериментами с построением корпоративного государства”. И эту традицию, по его мнению, следует в конце XX столетия возродить именно в Германии, так как “они (корпоративные модели — *А.М.*) не являются признаком разложения или упадка, а просто тесно связаны с особенностями политического и социального развития Германии за последние два столетия”¹⁷. Действительно, германская история богата примерами того, как исторические эпохи наиболее интенсивного социального развития сопровождались также интенсивным форсированием политических вопросов, вызывавшим к жизни различные модели корпоративного сращения политических интересов.

Появление первых идей корпоратизма Ноккен связывает с реакцией в Германии на Великую французскую революцию 1789 г. Они складывались в русле политического романтизма Фридриха Шлегеля, Франца фон Баадера, Адама Мюллера и других мыслителей, призна-

вавших необходимость как сохранения сословной организации общества, так и ее модернизации. Принцип урегулирования межсословных отношений Адама Мюллера (1779—1829), например, лег в основу многих теорий XX в., одна из которых была хорошо известна во второй четверти нашего столетия не только в Германии, но и во всей Европе — теория корпоративного государства, предложенная неоромантической социологической школой Отмара Шпанна.

Известно, что еще Баадер, находясь под впечатлением нарастающих социальных проблем в Европе в преддверии революций 1848—1850 гг., ратовал за организацию пролетариев в некое “корпоративное государство”, которое смогло бы снять возможные социальные обострения, дабы избежать деструктивных явлений. При этом он особо отмечал, что необходимо всячески содействовать созданию рабочих корпораций, которые могли бы политически грамотно формулировать свои требования. Однако политическое влияние и роль таких рабочих корпораций следовало бы, по мнению Баадера, ограничить как по отношению к другим сословиям, так и по отношению к государству в целом, которое не должно превращаться в инструмент давления какого-либо одного сословия. Примерно таких же политических взглядов придерживался и Шлегель. В целом же речь у романтиков, как правило, шла об “идеальной модели монархически-сословной и клерикальной организации общества”, дающей широкие права на участие в политической жизни новым силам, но при этом стремящейся к поддержанию политической стабильности в государстве.

Может быть, поэтому некоторые современные исследователи иногда рассматривают корпоративные идеи и технологии, предложенные политическим романтизмом начала XIX в., как вариант политического консерватизма — для них принципиальное отличие консерватизма от корпоратизма не вполне очевидно. Консерватизм представителей корпоратизма был настолько разумным, что их вообще трудно было относить к сторонникам консерватизма, а иногда их даже причисляли к революционерам. Известно, например, что столь влиятельного в середине XIX столетия в Англии политика, как Эдмунд Бёрк, известного технолога корпоративных стратегий, мало кто мог упрекнуть в консерватизме. Скорее наоборот, современники считали его одним из ярких новаторов и революционеров в политической жизни го-

сударства, что, например, у Маркса вызывало явное раздражение: “этот сикофант, находясь на содержании английской олигархии, разыграл роль романтика по отношению к французской революции...”¹⁸.

Чуть ранее Фихте и Гегель, по мнению Ноккена, внесли свежие идеи в сословно-корпоративное построение государства, однако они не получили тогда серьезного развития. К ним исследователи обратились лишь в конце XIX в. И с этим периодом связан второй этап развития корпоратизма, представлявший своего рода отклик различных социальных сил на революционные события 1840—1850-х гг. в Германии и других европейских странах (в том числе и на события 1871 г. во Франции). По Ноккену, этот этап заключен в рамки 1848 и 1914 годов.

Для этого этапа особо характерно то, что в сословно-феодальный элитет¹⁹ стали проникать профессионально-отраслевые интересы, активно внедряемые грюндерами (промышленниками) и придавшие расстановке социальных сил определенную отраслевую заинтересованность. Речь здесь идет скорее не о вращении нарождающейся в Германии крупной буржуазии в сословно-монархические структуры власти (это не столь интересно), а о диверсификации власти по признаку отраслевых приоритетов и создания в ее коридорах института лоббирования. Поэтому, характеризуя данный этап развития корпоратизма, Ноккен говорит в основном о сословно-профессиональных и профессионально-отраслевых интересах и, соответственно, идеях, связанных с ними.

И в этом далеко не последнюю роль сыграла идеология катедерсоциализма (идеи так называемых “технократических моделей общественного хозяйства”), зачастую направлявшая действия многих лидеров различных палат и парламентов государств, входящих в состав Германской империи эпохи Бисмарка. Одну из таких моделей представил тогда Карл Марло (Karl Georg Winkelbrecht). Он предложил развить организационное строение цеховых корпораций, разбитых по квазипрофессиональному признаку, в более мобильные корпоративные организации, наделенные всеми функциями товариществ с правом образования имперского Совета корпораций, который по сути должен был стать одним из ключевых звеньев второй палаты парламента федерального государства.

Во второй половине XIX в. идеи корпоратизма оказали очень сильное влияние и на католическое учение катедр-социализма (Франц Хитце, Шульце-Делич, Вильгельм Каттелер, Альфред Шеффле). Например, один из лидеров немецкого католицизма Бисхоф Вильгельм фон Каттелер писал, что необходимо провести реорганизацию — пусть даже и принудительную — новых рабочих ассоциаций в христианские корпорации, которые смогли бы принять на себя функции товариществ. Хитце предлагал создать корпорации, которые сами по себе, может быть, и не устраняли конфликты, но могли бы ввести их в организованное русло, что позволило бы улучшить прогнозируемость конфликтных ситуаций со стороны государственной власти. Шеффле видел позитивное начало в естественном развитии корпоративных структур: в возникновении картелей, профсоюзов и биржевых организаций. Он также одним из первых предложил известную и впоследствии широко использованную на государственном уровне политическую модель “трипартизма”: единства интересов союза предпринимателей, профсоюзов и государства (*Vernetzung von Staat, Kapital und Arbeit*).

Несмотря на обилие проектов инкорпорирования интересов различных групп в условиях нарастания социальных конфликтов и широкую пропаганду этих проектов в университетах катедр-социалистами (“катедр” образовано от нем. *Kathedr* — кафедра), практически ни один проект тогда не получил адекватного признания на уровне государственной политики. Однако Ноккен отмечает вполне конкретные успешные опыты на микро- или производственном уровне. Он также убежден, что в тот период эти идеи еще не могли пользоваться успехом среди рабочих, так как были явно “авторитарными и патерналистскими”. Кроме того, сложившаяся система государственного управления, где “господствующая элита надеялась противостоять усилению власти различных партий и парламента”, еще не была готова к такому инкорпорированию интересов рабочих ассоциаций.

Третий период теории и практики корпоратизма ограничен 1914 и 1933 годами. Как правило, этот период западногерманскими теоретиками в сравнительно небольших очерках характеризуется немногословно. Но практически всегда при этом упоминают имя и роль известного австрийского теоретика 1920—1930-х гг. Отмара Шпанна,

чья концепция корпоративного государства, как полагают многие, в свое время оказала очень серьезное влияние на формирование различных моделей политической власти в ряде европейских государств (Испания, Италия, Германия). В целом же вопрос о фашистском типе корпоративного государства рассматривают как отдельную задачу, до сих пор, кстати сказать, так и не решенную.

Для некоторой ясности можно лишь сослаться на мнение Лембруха, который писал, что принципиальное отличие неокорпоратизма как явления современной политической жизни развитых стран от принудительного корпоратизма фашистского типа заключается в следующем: в то время как последний практически исключил традиционную парламентскую систему, основанную на территориальном представительстве, конкуренции партий, регулярно проводимых свободных выборах и т.п., из политической жизни, современный корпоратизм, как правило, сосуществует с парламентаризмом. Результатом этого является репрезентативно-корпоративная форма правления, в которой представительство граждан как потребителей (через партии, парламент, местные выборные органы) дополняется представительством их как производителей (через организации корпоративного типа). Такая политическая система и является, по его мнению, доминирующей в наиболее развитых демократических государствах.

Основные положения. Обращаясь к современным спорам о корпоратизме, нельзя не отметить, что исследователи еще явно не определились в основных исходных положениях, в постановке задач и даже порой в главных ориентирах исследований. Поэтому говорить об основных положениях неокорпоратизма можно со значительной долей условности.

И тем не менее мы все же попытаемся вычленить некоторые наиболее приемлемые для большинства исследователей положения. Особенно наглядно их демонстрируют две позиции, которые вполне можно рассматривать как наиболее авторитетные. Одна из них представлена вариантом “государственного корпоратизма” Филиппа Шмиттера (США)²⁰. По его собственному признанию, это концепция некоего “идеального типа” (по примеру модели Макса Вебера). Другая представлена совместными тезисами двух наиболее активных участников

дискуссии о корпоратизме в Германии, Ульриха фон Алеманна и Рольфа Хайнце²¹.

Формулируя свою задачу, Шмиттер писал: “Я определил бы это так: нам еще только предстоит с необходимостью осознать то, в каком отношении конфликты между различными и все более укрепляющимися по своей организации интересами находятся к тем основным противоречиям, которые возникают при смыкании двух начал: индустриальной — но капиталистической по сути — экономической системы с демократической — но бюрократической по сути — политической системой”²². Именно со столь острой постановкой вопросов связано, по его мнению, особое “очарование”, которое вызвала дискуссия о неокорпоратизме в последнее время. Несмотря на расхождения, существующие между участниками дискуссии, он считает этот подход вполне способным произвести революцию (по Шмиттеру, буквально: “парадигмальную революцию”) в политологии конца XX столетия.

Шмиттер стремится связать неокорпоратизм с такими важными темами современной политологии, как “теория государства, политического радиуса действия, управляемости демократических систем, изменений в структуре доминирующих групп и классов, уровней международной экономической конкуренции, повышения и понижения конъюнктуры, влияния мировых войн” и т.д. Несмотря на некоторую разнородность и нелогичность в предложенном перечислении затронутых тем, уровень притязаний Шмиттера — и вообще представителей данного направления политологии — представляется довольно значительным. Столь емкую постановку вопроса поддержал и другой авторитетный теоретик — Эрхард Фордран²³.

В нескольких тезисах Шмиттер следующим образом описывает основные политические тенденции на Западе, которые следует иметь в виду при формулировании теоретических задач неокорпоратизма.

Первые тезисы (1—4) достаточно лаконичны: в обществе вполне устоялась и сложилась в какую-то определенную картину конфигурация интересов; между корпоративными союзами (объединениями), выражающими эти интересы, возникает достаточно жесткая иерархия, в которой упорядочиваются и соподчиняются притязания целых экономических сфер и социальных слоев; членство в этих союзах не всегда является добровольным; к тому же всегда имеется спектр готовых

на любой случай юридических “урегулирований”, которые, с одной стороны, способствуют укреплению членства в союзах, с другой — предотвращают возникновение соперничающих объединений.

В пятом тезисе говорится о том, что в самих организациях происходит необратимый процесс, если можно так выразиться, “отделения голосов членов от самих членов союзов”. Это, в частности, заметно по тому, как союзы (объединения) не только передают (перепоручают) *de jure* и *de facto* преимущественное право членов (и их голоса) в другие инстанции, но также могут активно и принудительно “дирижировать” образом действий своих членов, особенно тогда, когда на карту поставлены политический интерес и статус конкретных политических фигур, связанных с этими союзами определенными обязательствами.

Шмиттера явно настораживает такое положение дел, и он пишет, что государство — не арена для оспаривания интересов различными организациями и их соперниками, что оно призвано быть организующим элементом, занимающимся контролем, коррекцией, поощрением, регламентированием, наделением полномочиями или подавлением активности союзов (объединений). И при этом оно потенциально всегда должно быть источником законности благодаря устойчивым технологиям принуждения (*de jure*) или апелляции к общественности и общественному мнению.

Заинтересованные организации (корпорации) не всегда являются абсолютно автономными союзами, осуществляющими некий нажим на государство, исходя из своих собственных интересов. Согласно Шмиттеру, по меньшей мере отчасти их деятельность определяется чуждыми для государства интересами. И тогда необходима тактика, создающая условия для селективного институционального доступа к коллективной ответственности при принятии политических решений (*Politikformulierung*). Лишь в этом случае вопрос о “политической имплементации” (принадлежности) проводимых ими решений перестает быть столь актуальным с точки зрения возможного девиантного развития государственного интереса.

Далее, рассуждая о сути корпоратизма, Шмиттер пытается устранить противоречие между теми, кто принимает неокорпоратизм за особую форму организации и разрешения конфликта между различными интересами, независимо от того, покоятся ли они на расхожде-

нии классовых позиций, экономических приоритетов или профессионально-отраслевого статуса (узкий подход), и теми, кто отождествляет его с особой формой государственно-политической организации, пронизывающей всю структуру жизненных интересов, начиная со сферы налоговой, социальной политики и т.д. (широкое толкование)²⁴. Он просто называет эти два подхода двумя вариантами корпоратизма. На этом основании предлагается классификация сложившихся практик инкорпорирования интересов (см. табл.1). Таблица построена на сопоставлении плюралистического и корпоратистского подходов.

Таблица 1

Типы опосредования интересов и способ принятия политических решений (Politikformulierung)

Характер опосредования интересов	Принятие политических решений посредством	
	<i>оказания давления (Druckausübung)</i>	<i>концертирования (Konzertierung)</i>
Плюрализм	I классическая американская политика влияния; французские трудовые отношения	III итальянская политика кооперации между государством и профсоюзами; швейцарская <i>Vernehmlassung</i>
Корпоратизм	II Британский опыт <i>social contract'a</i> ; шведская <i>cure d'opposition</i>	IV австрийская <i>Paritätische Kommission</i> ; шведская <i>Hapsund Demokratie</i>

Если в первом случае пробивающиеся к сфере принятия политических решений носители интересов тех или иных корпораций остаются вне политического консенсуса и “поля власти”, то во втором случае, при так называемом “концертировании”, участники рассматриваются как акторы на политической арене, которые впоследствии инкорпорируются в политический процесс в качестве признанных, безотказ-

ных по образу действий партнеров и становятся коллективно ответственными за реализацию принятых при их активном участии политических решений. Последние формы связи в этом случае получают *квазигосударственный* характер.

Во II и IV группы примеров условно выделены первый и второй варианты корпоратизма. Корпоративная структура 1 характеризует страны, в которых существуют организационно сложившиеся социальные группы или классы, отраслевые или профессиональные объединения, которым в доступе к структурам государственной власти отказано. Здесь *концертирование* может использоваться лишь как тактическая мера. Структура 2 присуща странам, которые пытаются включить многие неинкорпорированные в структуру власти, конкурирующие между собой и приспособливающиеся корпорации (союзы, объединения) во вполне регулируемую систему политических отношений.

Шмиттер полагает, что существует “родство” между корпоратизмом и *концертированием*, с одной стороны, и плюрализмом и политической давлением — с другой. Именно эту пару противоположных структур (примеры I и IV) “с логически прочными признаками” он предлагает как идеальные типологические модели. Однако, замечает он, действительность всегда располагается где-то между этими вариантами.

В результате американский исследователь определяет корпоратизм как “концертирующую, функционально дифференцированную, иерархично организованную и основанную на (скрытом) принуждении форму” согласования интересов²⁵. Таким образом, идеальнотипологическая модель Шмиттера представляет собой по сути первое, данное в ходе дискуссии, определение корпоратизма в основном описательного и классифицирующего характера. Следует также заметить, что для Шмиттера не существует принципиального различия между корпоратизмом и неокорпоратизмом.

Германские теоретики впоследствии развели по содержанию оба термина. Корпоративизм они отнесли к явлениям доиндустриальной и индустриальной эпох, неокорпоратизм — к феноменам последних десятилетий XX в. Неокорпоратизм изначально был признан достаточно масштабным теоретическим направлением в современной политологии. Это предполагает, согласно исследователям, не просто описание имеющих место корпоративных явлений, а анализ совокупной страте-

гической направленности структуры сложившихся в послевоенную эпоху интересов в их сплетении и взаимоопосредовании²⁶. Развертывание положений неокорпоратизма должно, по их мнению, поднять новый пласт социальных исследований, способствовать созданию новой теории современной демократии, новой политической экономии и т.д.²⁷ Надо отметить, что позиция западногерманских теоретиков отличается более выраженным “критицизмом”, воспринятым еще от критической теории Франкфуртской школы (особенно Хабермаса). Влияние последней, например, заметно по одной из первых важнейших работ Алеманна²⁸.

Алеманн, Хайнце и ряд других западногерманских исследователей в ряде статей попытались более объемно поставить вопросы перед неокорпоратизмом как новой политологической концепцией. Наиболее емко они были выражены в десяти основных программных положениях о неокорпоратизме Алеманна и Хайнце.

В первом положении говорится о том, что если для сословных доиндустриальных обществ был характерен корпоративизм, то неокорпоратизм является стратегией развитых (постиндустриальных) капиталистических обществ. Во втором положении — несколько в противовес Шмиттеру — они утверждают, что государство и корпоративные союзы (объединения) друг от друга не только зависят, но и получают взаимную выгоду. Образуется некое функциональное сплетение политики, и на часто задаваемый вопрос — кто кого использует и подавляет — однозначный ответ, по мнению авторов, невозможен.

Далее они обращаются к политологическим концепциям современности и отмечают, что теории либерального плюрализма не смогли в достаточной степени охватить и объяснить эту инкорпорацию организованных интересов. Еще менее ситуация проясняется теориями управляемости или неуправляемости демократического процесса, так как они в своей основе нормативны, то есть исходят из незыблемости фактически сложившегося правового status quo, и ориентируются скорее на случайные подвижки в политической жизни, нежели на необходимые системные тенденции и сдвиги.

Исследователи подчеркивают, что усиление неокорпоратистских форм политики происходит также благодаря снижению функциональных возможностей массовых (так называемых народных) партий,

часть из которых все в большей степени превращается под давлением заинтересованных групп в “государственные партии”. Неокорпоративские тенденции, в свою очередь, снижают роль парламента как носителя народного суверенитета. Какую бы форму он ни принимал и какие бы методы ни использовали: будь то “концентирующая акция” или “диалог у канцлера”, — большая политика минует парламент. Последнему остаются лишь прилежная работа комиссий, полемическое обсуждение и предание гласности якобы выработанных парламентом решений. Структуры же, в чьих руках находится механизм политических решений, отделяются от демократических институтов и образуют элиту, которая недостаточно подотчетна демократическому контролю.

Однако это ни в коем случае не означает, как пишут авторы в седьмом положении, ни спада демократии, ни сползания постиндустриального государства к авторитарным технологиям власти. Хотя нельзя не признать, что неокорпоратизм приводит в какой-то степени к крайне неравному распределению политических издержек, значительную долю которых несут на себе слабokonфликтные группы. К тому же как реакция на относительное преобладание элитарного блока в политике могут складываться неинституциональные социальные движения (движение инициативных граждан, Greenpeace и др.), которые не только приобретают все более солидную социальную базу, но и, по мнению теоретиков, способны иной раз поставить под вопрос всю политическую систему в целом и принцип ее функционирования.

В заключении авторы указывают на необходимость появления нового корпоративного органа по принятию согласованных решений, способного работать в совершенно различных политических плоскостях и объединяющего значительные по весу и разнородные по составу силы государства.

Как видно, проект был предложен весомый. Однако дальнейший ход дискуссии не дал ощутимых результатов, которые можно было бы хоть как-то соотнести с глобальностью поставленных задач. Чаще всего исследователи пытаются привлечь к новому подходу хорошо знакомые им темы с вполне устоявшимися парадигмами: так, Лембрух, Френкель, Роккан и Хекшер в дискуссии маневрируют близко к плюралистической модели, пытаясь согласовать положения о неокорпоратизме с либеральной политической теорией, Клаус фон Бейме ищет

параллели с теорией управляемости-неуправляемости, Шонфилд и Миллс — с теориями элиты, Кастендик пытается подойти к построению новой политико-экономической модели современности.

Например, Клаус фон Бейме — президент международной ассоциации политических наук (1982—1985), автор столь известных работ, как “Группы по интересам при демократии”, “Политические теории современности”, “Парламентарная система правления в Европе” и многих других — в одной из фундаментальных коллективных монографий “Наука политики”²⁹, вышедшей в трех томах под его редакцией, считает сухой остаток после десятилетия европейской дискуссии вокруг теории корпоратизма весьма продуктивным и помещает материал о корпоратизме в раздел “Будущее парламентарной демократии”, где тема неокорпоратизма как бы связывает между собой теорию конфликтов и новые социальные движения (как проблема *своевременного* инкорпорирования в структуры власти интересов новых мощнейших корпоративных образований).

В целом же многие участники дискуссии о корпоратизме стремились уйти от столь жесткого термина в политической теории и предпочитали оперировать менее определенным названием “теория заинтересованных групп”, которая в каждом конкретном случае — будь то исследования по “лобби” или “группам давления”, политическим партиям или парламентским группам, социальным или профсоюзным движениям и т.д. — была крайне узко определена по своим задачам и которую на сегодняшний день практически полностью методологически поглотила более емкая концепция неокорпоратизма.

К дефиниции корпоратизма. Таким образом, если попытаться подвести некоторые итоги и при этом судить широко и непредвзято, то вполне можно утверждать, что корпоратизм как явление имеет серьезные и достаточно глубокие исторические основания. Это очевидно. Неслучайно этот термин сегодня прочно вошел не только во многие зарубежные специализированные справочные издания по политическим наукам, но и в учебную — и даже популярную — литературу. Интересно, что несмотря на интенсивное развитие корпораций в текущем столетии и уже накопленный богатый фактический материал по анализу различных сторон их деятельности, включая мощное воздействие на властные политические структуры и стратегию ведущих госу-

дарств, все же отношение к *корпоратизму* как обобщающей картине современного общества за рубежом не столь однозначно.

В одном из энциклопедических изданий по вопросам политики совершенно справедливо подведен такой итог десятилетию дискуссий вокруг темы корпоратизма: “В том, что может быть схвачено понятием неокорпоратизма (как и корпоратизма), все еще нет никакой ясности”³⁰. То согласие, которого все же исследователям удалось достигнуть, было закреплено ими в основной рабочей дефиниции корпоратизма.

Прежде всего это касается самых основных и бесспорных на сегодняшний день положений. Например, после известной монографии Петера Майер-Таша “Корпоративизм и авторитаризм: исследование по теории и практике идеи профессионально-сословного государства и права” (1971)³¹ за термином “корпоративизм” сохраняется значение характерной для сословного государства средневековья организации власти³². Издатель одного из самых авторитетных энциклопедических словарей по политическим наукам Эверхард Хольтман так и пишет: “Корпоративизм — понятие, всецело относящееся к сословному государству средневековья, характеризующее его прочно установленную иерархию сословий вместе с их представительными органами и переложением всей полноты публичной власти на общественные организации (корпорации)”³³. Чуть сложнее обстоят дела с понятиями корпоратизма и неокорпоратизма, которые зачастую употребляются как синонимы³⁴. Такова, например, позиция издателей расширенного политического словаря “Общество и государство” (1992) Дрекслера, Хиллигена и Ноймана³⁵.

Однако и здесь намечились определенные разграничения категорий по смыслу. Под неокорпоратизмом стали понимать различные варианты либерального корпоратизма. И ряд работ Алеманна, Хайнце и Бейме к концу 1980-х гг. закрепили именно такую трактовку за категорией “неокорпоратизм”³⁶. Хотя конструкция до сих пор во многом еще не всем и не совсем понятная, тем не менее она уже вполне устоялась и стала практически общепринятой.

Наиболее полное определение дает Хольтман. Он пишет, что “корпоратизм — это обозначение сплетения общественных организаций в политике в форме зачастую (как правило) “симбиотической”

связи государственных органов и заинтересованных групп, которая единственно и делает возможными политические решения как таковые³⁷. Он пишет, что понятие “корпоратизм” — это наиболее общее определение, охватывающее все исторические формы и варианты корпоративных технологий власти. Далее идет их деление на корпоративизм как характеристику сословно-представительной организации власти и неокорпоратизм как характеристику современных форм либерально-корпоративных технологий власти в высокоразвитых демократических государствах.

Он предлагает следующие варианты значений, подпадающих под определение корпоратизма. Прежде всего, это собственно корпоративизм, о котором выше было уже сказано. Затем предлагаются различные модели корпоративных технологий XX в:

1. Разработанная в первой трети столетия в рамках социального учения католицизма “теория профессионально-сословного представительства при эгалитарном парламентаризме” в том виде, в каком была выражена в папской энциклике “*Quadragesimo Anno*” (1931).

2. Корпоратизм авторитарного (фашистского) типа, который характеризуется принудительным сплетением столь же принудительных по своему формированию и членству союзов (организаций, корпораций) в государственной политике. Этот вариант определяется Хельмутом как “фашистский корпоративизм”.

3. И, наконец, корпоратизм как “свободно-волеизъявленное” (или добровольное) сплетение свободно образованных объединений (корпораций) в процессе государственного принятия и проведения политических решений “в либерально-демократических капиталистических индустриальных государствах (либеральный, или неокорпоратизм)³⁸.”

Такова же логика рассуждений Хельмута Фельцкова (Бохум): “понятием неокорпоратизма, или *либерального корпоратизма*, обозначается включение (инкорпорирование) организованных интересов в политику и их долевое участие при формировании и принятии политических решений”. И, обращаясь к происхождению категорий, он пишет далее, что понятие *корпоратизма* связано с понятием *корпоративизма*, которое стали относить к расчлененному на сословия обществу (в точном смысле слова: к сословно-государственной организации общества) и обозначать им перенос центра тяжести публичной власти

на общественные организации (корпорации). В Германии этот забытый было термин вновь был подхвачен, но уже как *неокопоратизм*, или либеральный корпоратизм, в связи с введением в активный оборот в англосаксонской литературе понятия корпоратизма (corporatism).

Понятийная связь, по мнению Фёльцкова, основана на том, что, несмотря на многообразие моделей, в современной организации общества есть нечто общее: “предгосударственные” организации, или “организованные интересы”, в добуржуазном обществе — равно как и в современных развитых демократических государствах — занимают промежуточное положение между индивидуумом и государством: они, с одной стороны, представляют интересы своих членов, с другой — являются инструментом активного поиска компромисса при принятии важных политических решений на государственном уровне и потому должны идти на соглашения и уступки, иногда вопреки своим членам³⁹.

Заключение. Таковы основные позиции по теории корпоратизма, сложившиеся на сегодняшний день за рубежом как итог дискуссии 1980-х годов. Все исследователи отмечают важность тех подвижек в современной политической теории, которые обозначила дискуссия о корпоратизме, своевременность и актуальность такой постановки вопроса.

В России первое обращение к теме корпоратизма произошло совсем недавно, в середине 1990-х гг. (кроме, разумеется, ранее уже упомянутого краткого обзора западной дискуссии в статье С.П.Перегудова)⁴⁰. Тот очерк был, пожалуй, единственным в начале 1980-х гг. откликом в советской политической науке на разгоревшуюся тогда в западных странах дискуссию о сущности трансформаций в современном обществе, порождаемых корпорациями. Статья содержала беглый, но достаточно интересный обзор дискуссии о соотношении плюрализма и корпоратизма в современной политологии, хотя и не внесла ясности по вопросу о сущности корпоратизма (поскольку дискуссия только еще была заявлена).

В середине 1990-х гг. интерес к теме корпоратизма в России стал более прагматичным, чем в начале 1980-х. Авторы “Этики успеха”, например, пытаются примерить корпоратизм к России и дать первую оценку новому явлению на российской почве, правда, зачастую с по-

зиций российского “здорового смысла” и слабо оперируя опытом западной дискуссии 1980-х гг., путаясь в терминах “корпоратизм”, “нео-корпоратизм”, “корпоративизм” и т.д. Но всякое начало трудно. И первый шаг в российской науке все же был сделан сравнительно легко и вполне содержательно. Перегудов за последние пять лет вновь вернулся к этой теме и опубликовал ряд статей, где — может быть, по примеру западных коллег — предпочитал говорить как об “организованных интересах”, так и о корпоративных тенденциях в современной России, пользуясь этими категориями почти как синонимами⁴¹.

Трудность с продвижением темы заключается еще и в том, что прежде чем говорить о современном корпоратизме в России, надо хоть что-то знать о сущности такого явления, как корпорация, ее возникновении и метаморфозах в истории. А это для российской науки столь же малоизведенное поле значений и смысла, как и все наработанное по этой теме за рубежом. Поэтому очень часто разговор о корпоратизме переходит в весьма туманные и общие рассуждения о слагаемых корпоративности, главным из которых не вполне обоснованно считают определенную замкнутость корпоративных структур.

Вообще корпоратизм относится к числу тех обоюдоострых тем, однозначная оценка которых до сих пор еще вряд ли возможна. В истории достаточно аргументов как в пользу позитивного содержания корпоратизма (как технологии власти), так и в пользу его негативного значения. Причем позитив всеми исследователями оценивается намного выше, чем негатив. В целом же идеи корпоратизма за последние два столетия проделали достаточно полный цикл развития, чтобы можно было хоть как-то оценить их с точки зрения политической науки.

Ясно одно: корпоратизм — явление достаточно сложное, многоплановое и во многом еще не вполне очевидное. Однако актуальность его, в том числе и для современной политической ситуации в России, бесспорна. По одной простой причине: то, что складывается уже не одно десятилетие как наиболее оптимальный путь развития высокоразвитых стран, в России должно быть уже в какой-то степени осознано и взвешено. Кроме того, актуальность этого вопроса объясняется еще и особым феноменом — корпоративно-олигархической организацией политической власти (Перегудов),

сложившейся за последнее десятилетие в России, с реалиями которой сейчас вынуждены считаться все.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Перегудов С.П.* Новый российский корпоратизм: от бюрократического к олигархическому? // *Полис*. 1998. № 4. С.114—116.

² Уже тот факт, что на разных континентах и в таких “разных” странах, как Германия, Япония и США, корпоративные интересы начинают играть приоритетную роль на макросоциальном уровне и в коридорах власти, говорит о многом.

³ Например, созданный при ООН центр по транснациональным корпорациям регулярно публикует различные сводные ежегодные статистические обзоры по деятельности корпораций — один из основных источников для анализа тенденций в мире современных технологий. К их числу относятся: UN. Transnational Corporations in World Development; UN. Multinational Corporations in World Development и т.д.

⁴ См.: *Большой энциклопедический словарь*. М., 1998.

⁵ См.: *Энциклопедический юридический словарь*. М., 1996. С.150.

⁶ Его основной труд, как известно, так и называется: *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1969.

⁷ Впервые в книге: *Окумура Х.* Структура корпоративного капитализма: Акционерная собственность в Японии. Токио, 1975.

⁸ К числу наиболее значительных исследований конца 1970 — начала 80-х гг. следует отнести труды: *Миядзаки Г.* Современный капитализм и транснациональные компании. Токио, 1978; *Нисияма Т.* Структура власти. Токио, 1980; *Он же.* Япония — некапиталистическая страна. Токио, 1982; *Окумура Х.* Что такое корпоративный капитализм. Ч. I и II. Токио, 1979; *Он же.* Сдвиги в акционерной собственности и структура власти. Токио, 1980; *Оути Ц.* Государственно-монополистический капитализм. Токио, 1981; *Сибасаки К.* Памятка о так называемом корпоративном капитализме // *Социологические исследования*. Т.33. № 5 и 6; *Цуда М.* Логика японского типа управления. Токио, 1982 и др.

⁹ *Neokorporatismus*. Frankfurt a.M.; N.Y., 1981. S.7—8.

¹⁰ *Karluf B.* Business Strategy. A Guide to Concepts and Models. L., 1991. P.5.

¹¹ *Cowson A.* Corporatism and Political Theory. L., 1986.

¹² Хотя полностью избежать этого и не удалось, например, в небольшом ретроспективном очерке Ульриха Ноккена: *Nocken U. Korporatistischen Theorien und Strukturen in der deutschen Geschichte des 19. und frühen 20. Jahrhunderts // Neokorporatismus. S.17—42*. См. также краткий очерк в кн.: *Interessenvermittlung und Politik: Interesse als Grundbegriff sozialwissenschaftliche Lehre und Analyse / Hrsg. U.v.Alemann & E.Fordran. Opladen, 1983. S.120 f.*

¹³ Как правило, первыми вариантами неокорпоратизма были различные виды “скрещивания” нового подхода с хорошо известным, но крайне методологически размытым плюралистическим анализом: либеральный корпоратизм (G.Lehmbruch, G.Jonescu, K.v.Beume), корпоративный плюрализм (C.W.Mills, A.Shonfield) и т.д.

¹⁴ См. единственную появившуюся тогда по горячим следам западной дискуссии в советской научной литературе статью: *Перегудов С.П. Неокорпоратизм и парламентская демократия // Советское государство и право. 1980. № 3. С.91—99.*

¹⁵ *Politikwissenschaft: eine Grundlegung. Bd.1—3. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1987.*

¹⁶ *Nocken U. Korporatistischen Theorien und Strukturen in der deutschen Geschichte des 19. und frühen 20. Jahrhunderts. S.17—42*. См. также краткий исторический очерк в другой книге: *Interessenvermittlung und Politik. S.120 f.*

¹⁷ *Nocken U. Korporatistischen Theorien und Strukturen in der deutschen Geschichte des 19. und frühen 20. Jahrhunderts. S.18.*

¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.23. С.770.*

¹⁹ Элитет — структура основных жизненно важных ориентиров и опорных ценностей (менталитета) привилегированных слоев общества (да простят мне этот неологизм).

²⁰ Кстати сказать, на недавно прошедшем в Сеуле (в августе 1997 г.) XVII конгрессе Международной ассоциации политических наук (IPSA), заявленном под девизом “Конфликт и порядок”, позиция Шмиттера вновь была представлена как одна из ключевых. На конгрессе его точку зрения изложил соавтор совместно написанной и приуроченной к конгрессу брошюры Гротте: *Schmitter Ph., Grote J. Corporatist Sisyphus: Past, Present and Future. San Domenico, 1997.*

²¹ *Alemann U., Heinze R.G. Kooperativer Staat und Korporatismus: Dimensionen der Neokorporatismus-diskussion // Neokorporatismus. S.43—61.*

²² *Schmitter P.C. Neokorporatismus: Überlegungen zur bisherigen Theorie und weiteren Praxis // Neokorporatismus. S.62 f.*

²³ *Interessenvermittlung. S.10.*

-
- ²⁴ Schmitter P.C. Neokorporatismus: Überlegungen zur bisherigen Theorie und weiteren Praxis. S.66.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ *Interessenvermittlung*. S.123.
- ²⁷ Groser M. Pluralismus, Korporatismus und Neue Politische Ökonomie // Neokorporatismus. S.117—134.
- ²⁸ *Partizipation - Demokratisierung - Mitbestimmung: Problemstellung und Literatur, Politik, Wirtschaft, Bildung und Wissenschaft*. Opladen, 1975. S.29 f.
- ²⁹ *Politikwissenschaft: Eine Grundlegungen*. B.1—3. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1987.
- ³⁰ *Politik-Lexicon*. München; Wien, 1991. S.385.
- ³¹ Mayer-Tasch P.C. Korporativismus und Autoritarismus. Eine Studie zur Theorie und Praxis der berufständischen Rechts- und Staatsidee. Frankfurt am Main, 1971.
- ³² См. также: Heinze R.G. Verbandspolitik und “Neokorporatismus”: Zur politischen Soziologie organisierten Interessen. Opladen, 1981; *Verbände und Staat: Vom Pluralismus zum Korporatismus*. Analysen, Positionen, Dokumente. Opladen, 1981 и т.д.
- ³³ *Politik-Lexicon*. 1991. S.306.
- ³⁴ Это относится к Ф.Шмиттеру, Г.Лембруху, Э.Фордрану и ряду других ведущих теоретиков.
- ³⁵ *Gesellschaft und Staat*. München, 1992.
- ³⁶ См., например, глоссарий во втором томе трехтомника “Наука политики”, изданном под редакцией Бейме: *Politikwissenschaft*. B.2. S.410.
- ³⁷ *Politik-Lexicon*. S.306.
- ³⁸ Ibidem.
- ³⁹ Ibid. S.384—387.
- ⁴⁰ В серии публикаций в вестнике “Этика успеха”. Вып. 1, 2 и 4.
- ⁴¹ См., например, его статью “Организованные интересы и российское государство: смена парадигм” и др. в журнале: Полис. 1994. № 2, 5.